



“мне приятно вспоминать даже горькое и плохое”

к 80-летию выдающегося режиссера.
из записных книжек Льва Кулиджанова

Сегодня исполнилось бы 80 лет замечательному советскому режиссеру Льву Кулиджанову. Газета предлагает фрагменты из никогда не публиковавшихся записных книжек выдающегося режиссера, автора таких картин, как «Дом, в котором я живу», «Преступление и наказание», «Когда деревья были большими». Название последнего из упомянутых фильмов дало имя книге, посвященной Кулиджанову, которая вскоре выйдет в издательстве «ЭКМО».

«рыба счастлива в белом вине» (записи начала 1980-х годов)

В одной поваренной книге я когда-то прочел удивившую меня и даже несколько покорившую фразу: «Рыба счастлива в белом вине». Имелось в виду не то, что этой бедной рыбе приятно плескаться в «Рислинге» или «Гурджани», а то, что какая-нибудь форель особенно хороша сваренная на пару в каком-нибудь белом сухом вине. Правда, очень вкусно получается. Определение «счастлива» в этой своеобразной ситуации имеет вполне иносказательный характер, тем не менее частенько вспоминаю я эту рыбу с ее счастьем, размышляя о своей профессии — кинорежиссуре.

В кинематографической среде, в которой я пребываю скоро три десятка лет, существует своеобразная инерция считать, что так трудно снимать, как сегодня, не было никогда. Все-де было проще, легче, работалось приятнее, спокойнее, и так далее. Думаю, если сегодня кому-нибудь из нас воссоздали бы те условия, в которых работали лет пятнадцать назад, — с вечно трещащими огнедышащими дигами, со старыми камерами, без короткофокусной оптики, без трансфокатора, с мувиолами вместо современных монтажных столов и с той же традиционной кинематографической сумбурностью, когда один актер прибыл на съемку, в то время как партнера его уже нужно отпустить, приходится снимать парную сцену, в которой каждый из исполнителей в глаза не видел собеседника, — каждому стало бы ясно, что сегодня многое, чем живет и работает кинопроизводство, стало лучше, удобнее, эффективнее. ▶ СТР 06



“мне приятно вспоминать даже горькое и плохое”

И все же при всех новшествах и усовершенствованиях кинематографическое дело — трудное, очень трудное дело. Кто-то сказал о кинорежиссуре, что она есть постоянство мечты. Это так. Но постоянство мечты требует и романтики, и скульптору, и авиаконструктору, и геологу, и кинорежиссеру, нанизывающему на один стержень один план, один кадр за другим, иной раз в течение года, а то и большего срока, требуется особое постоянство мечты. Постоянство, все время нарушаемое тысячами организационных сложностей. Подчас неизбежных и ни от кого не зависящих творческих неурядиц. Нужно свести чужих актеров в единый ансамбль, нужно, чтоб они могли выкроить для тебя время, и чтобы к тому времени, когда все съедутся, стояла необходимая погода. А он тут как тут — дождь, который портит все дело. Или наоборот — ярчайшее солнце, которое в данном случае ни к чему. Или приходится начинать накатывать кадры и сцены из середины, а то и из финала повествования, сохраняя в душе свежесть и непредвзятость, свободно развивающегося сюжета. Или, когда съемки оконченны, вдруг возникает острейшая необходимость снять еще одну крохотную сцену, которая так нужна и уже недосыгаема. Весь творческий процесс происходит при самом активном участии многих людей, людей разных, часто, как большинство кинематографистов, шумных и, к сожалению, не всегда одинаково квалифицированных. Да и картина, твоя картина, которая так хорошо думалась бессонными ночами, в которую вложено столько надежд, сил, времени, подчас оставляет зрителя равнодушным, коллеги прячут глаза, бормочут что-то ободряющее. Эта не лишняя некоторая мрачности картина, которую я даже не рисовал, а скорее набросал, отображает само дело только в общих чертах. Трудностей, подстерегающих режиссера на долгом пути от замысла до премьеры, еще больше, они сложнее, замысловатее, неожиданнее. Трудная профессия. И все же я люблю ее. И не променял бы ни на какую другую. О радостях ее и особенностях, о ее истинных сложностях, если мне удастся их нарисовать, речь впереди. Сейчас я снова возвращаюсь к приведенному в начале кулинарному даже не термину, а скорее образу: «Рыба счастлива в белом вине». Так и я, как говорили в старину, не щадя живота моего, и в этом не знающем остановки и выходных дней, не отпускающем ни на мгновение и подчас мучительном постоянстве мечты, счастлив. Счастлив надеждой принести добро кому-нибудь, кому-нибудь помочь. Что-то важное объяснить, наконец, доставить эстетическое наслаждение, без которого жизнь человеческая не может обойтись. Чего бы мне это ни стоило. Так же, как рыба в белом вине.

«боже, сколько же я помню» (записи конца 1960-х годов)

Это не дневник. Я принимаю за перо отнюдь не для того, чтобы издать то, что я напишу. Просто иногда делается досадно, что слабеет память и многое из виденного, пережитого стирается, уходит. Досадно и жалко. Не только потому, что по принятым меркам мне довелось много поездить по свету, встречаться с примечательными, часто интересными людьми. Но и потому, что во мне утвердилось сознание необыкновенных перемен, произошедших в мире, в самом человеческом сознании, во всех областях жизни. Мое поколение оказалось свидетелем и участником преодоления какого-то важного и вместе с тем опасного рубежа. Мне часто кажется, будто начало моей жизни было скорее связано с XIX веком, и я когда-то переехал в век XX, оставив много себя в веке предыдущем.

Мои дети — жители нового времени. И не потому только, что кажутся мне совсем недавней войной для них — нечто едва ли не доисторическое. Как для меня, родившегося в 1923 году, такой же далекой и абстрактной представлялась та война. И странно было слышать: «в мирное время», «советизация». Дедушка Ника говорил «фатаген» вместо привычного керосина, бывшего в большом еще употреблении. А бабушка Тамара Николаевна и после последней войны говорила: «мирное время», подразумевая то далекое, до меня бывшее «мирное время». Сегодня я как эти старики, наверное, странный и смешноватый для моих детей. Или, во всяком случае, часто кажу себе таковым. А пройдет еще немного времени, и наверняка буду. В моем детстве извозчики стояли на Кировской улице, и это был нормальный, привычный, хотя и праздничный транспорт. Мимо извозчиков бржи ходил трамвай, вдоль которого по узенькой, во всю длину вагона, ступеньке цирку-

лировал кондуктор с рожком, звук которого я помню до сих пор. Трамвай был бельгийский, на нем ездила еще мама, когда была гимназисткой, в «мирное время». А мой младший сын, едва научившись говорить, кричал с балкона лозунги в честь Гагарина. Он начал с этого транспорта. Боже, сколько же я помню. Как изменилось все на протяжении одного только поколения. Я сейчас не могу раскопать в памяти момент удивления телевизором. Он как-то незаметно для меня возник и распространился. Но я помню детекторные радиоприемники, которые воспринимал как чудо. И первый троллейбус в Тифлисе. Странно работает память. События тридцатилетней давности хранит незбылемо, а подробности событий, бывших три года назад, еле можно восстановить. И сколько впечатлений от виденного ушло безвозвратно. Так забуду визит в школу гейш в Киото, сегодняшние переживания, связанные с кинематографическими делами, с Союзом, завтрашние встречи и события. Поэтому и пишу эти записки, которые давно собирался начать. Да все не собрался. Пишу для моих детей — может, когда-нибудь им будут интересны подробности моей жизни. Или полезны. Или занятны? А нет — тоже не беда. Мне приятно вспоминать, даже горькое и плохое. Жизнь складывается и из плохого тоже. Важно — преодолеть и понять. Да и горечь стирается, с годами она уже не кажется такой острой. Да и кто прожил без ударов и трагедий? Начиная в больнице. Недавно ушла Наташа. Надо работать — делать режиссерский сценарий «Преступления и наказания», а не работает. На дворе ветер воет. Тревожно и тоскливо. Дом мой, кажется мне, — далеко. Там тепло, привычно, там мои дети, моя жена, моя мать. Самые дорогие.

«постараюсь быть пунктуальнее» (записи конца 1970-х годов)

Давным-давно снят и забыт фильм «Преступление и наказание». Прошли годы. Я успел за это время сделать еще один — «Звездная минута», о космосе. И ни разу начатые и забытые мной страницы и не попадались мне на глаза. По странному стечению обстоятельств они вновь оказались передо мной опять в больнице. И я пожалел о том, что не продолжал их планомерно, как собирался. Еще несколько лет отдало и забурляло то, о чем имело бы смысл вспомнить, записать. Жаль. Постараюсь быть пунктуальнее и не забывать моих записей в дальнем ящике на годы. Тем более что оных, судя по всему, остается все меньше и меньше. И снова вернусь в мое далекое-далекое детство.

«теперь я хорошо понимаю родителей» (записи конца 1970-х годов)

Кино я начал смотреть очень давно, во времена моего далекого детства. Теперь даже странно, что я помню в прокате фильмы Дугласа Фербенкса и Мери Пикфорд, Гарольда Ллойда и Монтги Бенкса, Бастера Китона и даже Рудольфа Валентино. Я их помню до сих пор. И «багдадского вора», который самозабвенно копал кривой саблей подушки на восточных кушетках, и младшего сына. И являвшегося посмешищем для всех близких, но совершавшего героические подвиги, и странного, грустного человека, единоборствующего со старинным паровозом, — Бастера Китона. Это было восхитительное зрелище, от которого невозможно было оторваться. Я помню семейный скандал, бедную заплаканную маму, разгневанного отца (теперь я их хорошо понимаю), когда я, маленький мальчик, уйдя из дома ненадолго, пропал на целый вечер, просидев в кино три сеанса подряд. Я уж и не помню, что это был за фильм. И запомнил-то я этот случай, наверное, только потому, что столь долгое мое исчезновение вызвало бурное неудовольствие моих родителей.

«вполне достаточно двадцати минут» (запись 1973 года)

Мой учитель — Сергей Аполлиналиевич Герасимов — много лет назад рассказывал об одной встрече. Он, тогда еще молодой режиссер, едучи из Ленинграда в Москву оказался в одном купе с почтенным и весь-

из записных книжек Льва Кулиджанова



ма пожилым академиком. Разговорились. Академик осведомлен, с кем он имеет честь... Узнав о профессии своего попутчика, он сказал примерно следующее: — А-а, как же, как же, мне тоже довелось несколько раз посетить ваши, 3-3-3, сеансы. Довольно занятно. Но длинновато. Вполне достаточно двадцати минут...

С тех пор много воды утекло. Кинематограф распространился действительно повсеместно и занял определенное, свое, и скажем, весьма замечательное место в духовной жизни общества. Сегодня все ходят в кино — и академики, и сталеваляры, и солдаты, и домохозяйки. И физики, и лирики. Кинопередвижка, преодолевая горные перевалы, добирается до дальних копей, и набавы в бурках и мохнатых папах сочувственно следят за трагическими перипетиями жизни короля Лира и, как старым добрым знакомым, радуются появлению на экране Юрия Никулина, Всесоюда Санаева или Михаила Ульянова. Сегодня, встретившись с интересным человеком, очень трудно бывает разговаривать его, «спровоцировать» на рассказ о новых открытиях в биологии (если это биолог) или о дальних плаваниях (если это моряк). Достаточно ему узнать, что собеседник — кинематографист, как тут же начинаются вопросы: что вы думаете о новом фильме Жалаяквичуса, почему так подолгу простаивают Чухрай или Алов и Наумов, что делает Озеров, где снимается Нонна Мордюкова, видели ли вы последний фильм Феллини... И т.д. и т.п. При этом, как правило, проявляется такая осведомленность и такая подкупающая заинтересованность, что и неловко бывает перебить, сказать: «Да будет про кино, давайте лучше про астрономию, или мостостроение, или психологию...»

Конечно, говоря о значении и распространении киноискусства, я далека от мысли основываться только на личных впечатлениях и ощущениях. Они могут оказаться случайными. Мы живем в век цифр, привыкли к точным расчетам и научились за «алгеброй» видеть «гармонию». Так вот — немного статистики. Каждый год кинотеатры в нашей стране посещает без малого пять миллиардов зрителей. Получается, что каждый гражданин Советского Союза, где

бы он ни жил, чем бы ни занимался, какого бы ни был возраста, бывает в кино около двадцати раз в году. Выступая на XXIV съезде КПСС, Леонид Ильич Брежнев назвал наш народ «самым читающим народом в мире». Нет сомнения, что с таким же правом можно назвать наш народ и самым «кинематографическим» или «фильмосмотрящим».

Очевидно, вследствие относительной молодости киноискусства, установившейся, хорошо разработанной кинотерминологии пока не существует, и приведенные мною, за исключением лучших, определения выглядят и неточно, и причудливо. Что же, когда-нибудь придумают и синоним слова «читающий» применительно к кинозрителю. А факт широкого распространения киноискусства, его невременного присутствия в «духовном рационе» современного человека неопровержимо уже сегодня. И не только художественного, игрового кино, но и научно-популярного, хроникально-документального, учебного. Сегодня рождается телевизионная кинематография, ищущая своих путей и средств выразительности. И уже находящая их. Кстати сказать, наряду с фильмами, создаваемыми специально для «голубого экрана», телевидение широко пользуется и нашим, кинематографическим фондом. Едва ли не каждый день кинофильмы смотрят и телевизор. И их, по подсчетам социологов, порядка ста миллионов. Представьте, как телевидение расширяет кинематографическую аудиторию!

Вопросы распространения кинематографии сложны. Они выходят далеко за рамки компетенции кинопродакта, киноведения, а затрагивают психологию, социологию, педагогику, даже медицину. Уже высказываются опасения, что кино и телевидение потеснят литературу, что молодежь стала меньше читать, что многие теперь смотрят «Войну и мир» или «Сарг о Форсайтах» и находят в них вполне устраивающую замену книгам Толстого и Голсуорси. Может быть, в какой-то степени подобные предположения и небеспокоены. Действительно, почти в каждом доме есть телевизор, и в большинстве семей он работает с полной нагрузкой. Действительно, количество кинотеатров растет, а би-

леты на хороший фильм достать все равно непросто. Действительно, современный человек, особенно молодой, проводит перед экраном много часов, которые можно было бы посвятить чтению. И тем не менее поводов для паники, как мне кажется, нет.

Я хорошо помню, как в недалеком прошлом предрекали смерть театра «от руки» кино. К этим аргументированным прогнозам присоединялись и весьма серьезные люди. И в определенный период в этих опасениях был даже некоторый резон, т.к. посещаемость театров падала, и все свидетельствовало о том, что значительную часть публики «отвлекает», «уводит» кино. Но попробуйте сегодня вдруг, невзначай, не записав билетом заранее, отправиться в «Советский» или на Таганку, во МХАТ, в Театр Сатиры... Да разумному человеку это и в голову не придет. Разве что в надежде на «лишний билетик»? Так же найдется и определенный «модус существования» и между кино и телевидением, в котором сейчас, без определенных оснований, многие видят конкурента старшему брату. И литература как существовала столетия и столетия, останется и будет развиваться и впрямь, ибо не может идти человечество вперед, не читая умных, добрых, интересных книг.

И эти будущие книги дадут новые импульсы киноискусству, которое, будучи искусством синтетическим, т.е. опирающимся на другие искусства, широко использующим их опыт (музыка, живопись и графика), в первую очередь все же зависит от литературы. Думается, что эта зависимость и взаимосвязанность шире, чем просто возможность экранизировать ту или иную повесть или роман. И даже не в том, что сценарий есть, несомненно, основа фильма, являясь одновременно и литературным произведением.

«надо успеть записать хоть клочки» (записи 1990-х годов)

Надо писать, пока есть время, которого, может быть, уже и нет или осталось совсем

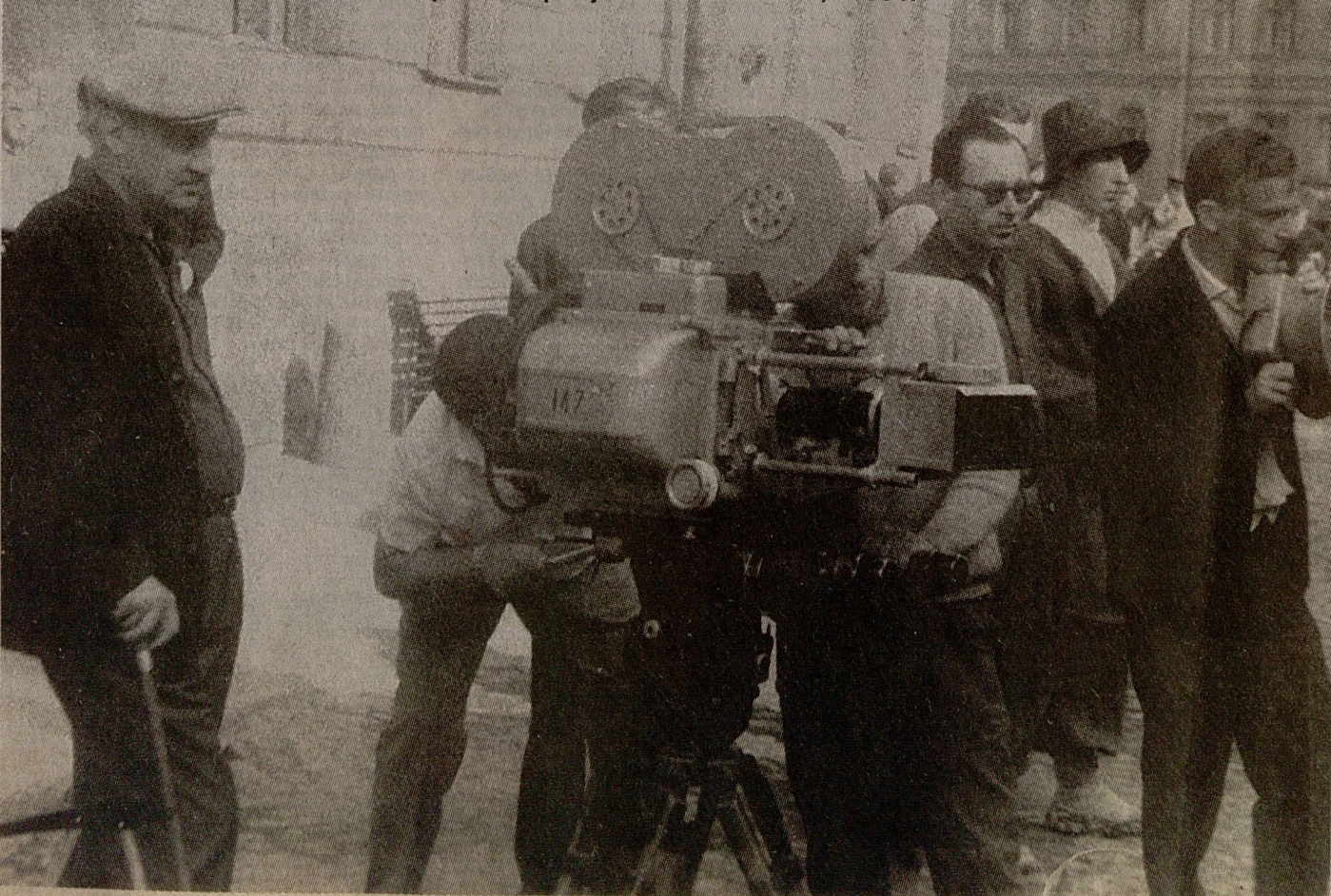
мало, кто знает? Надо успеть записать хоть клочки того, что пережило, что успел увидеть, хоть что-то о людях, с которыми свела щедрая судьба.

Их было так много за жизнь. Мои друзья, с которыми общался уже большую часть жизни. Это те, с которыми сошелся и подружился в студенческие и послестуденческие времена. А что говорить о товарищах моего детства, которые остались в моей жизни, присутствуют в ней и сегодня, по счастливому стечению обстоятельств. Их много. Относительно много. Или замечательных кинематографистов, наших, советских, и зарубежных, с которыми мне довелось встречаться. Мне — кинематографисту. Рене Клер, Рубен Мамуля, Рене Клеман, Кинг Видор, Аллен Рене, Мишель Симон, Симона Синьоре, Отто Преминджер, Стенли Крамер, София Лорен, Роберто Росселини и много-много других, талант которых выпал на ход развития мировой кинематографической практики.

А сколько замечательных людей застал я в советском кино! И какие это были имена! Михаил Ромм, Борис Барнет, Абрам Ромм, Лев Кулешов, Григорий Козинцев, Михаил Калатозов, Иван Пырьев, Фридрих Эрмлер... Довелось только слышать. Пудовкина только видел, а Эйзенштейна и не видел, и не слышал. И только вследствие собственной нерадивости, которой и простить себе не могу. Вот уже много лет.

За долгие прожитые годы мне повезло встретиться, общаться, а иногда и дружить со многими, многими замечательными людьми. Среди этих людей были и поэты, и врачи, и прекрасные художники, и ученые. И, конечно, в первую очередь это были люди моей профессии — кинематографисты. Начиная с моих учителей — Сергея Аполлиналиевича Герасимова и Григория Михайловича Козинцева — и кончая недавними учениками, многие из которых уже, так сказать, крепко стоят на ногах и слава Богу, хорошо работают и успешно продолжают возить на свои плечи дело. И среди тех, кто занимает особое место в моей благодарной памяти, — Василий Макарович Шукшин.

На съемках фильма «Преступление и наказание», 1968 г.



Лев Кулиджанов (второй справа) и группа советских артистов на встрече с английскими кинодеятелями на студии «Пайнвуд». Лондон, 1964 г.